

Пацанские
рассказы

-НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР-
лауреат

-РУССКИЙ
БУКЕР-
финалист

Захар Прилепин

«Здесь каждый
неприкаянный
подросток
на злом
косноязычье
говорит...»

Ботылки, полные
горячей водкой

A S T

Захар Прилепин

**Ботинки, полные горячей
водкой (сборник)**

«АСТ»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прилепин З.

Ботинки, полные горячей водкой (сборник) / З. Прилепин —
«АСТ»,

ISBN 978-5-17-095123-9

Захар Прилепин – прозаик, публицист, музыкант, обладатель премий «Большая книга», «Национальный бестселлер» и «Ясная Поляна». Автор романов «Обитель», «Санья», «Патологии», «Черная обезьяна», сборников рассказов «Восьмерка», «Грех» и «Семь жизней», сборников публицистики «К нам едет Пересвет», «Летучие бурлаки» и «Не чужая смута». «Ботинки, полные горячей водкой» – сборник увлекательных брутальных новелл: мастерски написанных, порой трагических, порой необычайно смешных. Двенадцать историй про «настоящих пацанов», про дружбу и предательство, испытания тюрьмой и войной. И – любовь к жизни во всех ее проявлениях.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095123-9

© Прилепин З.
© АСТ

Содержание

Жилка	6
Пацанский рассказ	11
Славчук	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Захар Прилепин

Ботинки, полные горячей водкой

© Захар Прилепин

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Жилка

– Ты жестокий, безжалостный, чёрствый, ледяной. Ты врешь, всё, всегда, всем, во всём. Ты не любишь меня, ты не умеешь этого.

Потом, много лет спустя, к словам «я люблю тебя» всегда начинает крепиться подлое «но». Я люблю тебя, но. И я тебя люблю. Но...

И действительно – любят. Но ты слишком часто обижал меня. Но ты слишком много оскорбляла меня.

– Уйди! Уйди из этого дома!

Мне всё равно надо было уходить, и я вышел за дверь. Она громко захлопнулась у меня за спиной и сразу хрустнула вслед, как передавленной костью, с остервенением закрытым замком.

Я дошёл, потирая лоб, до соседнего дома и набрал телефонный номер своей жены.

– Послушай... – успел сказать я.

– Иди отсюда скорей. Тут приехали в штатском и в форме, ломятся в дверь, требуют тебя.

Я занимаюсь революцией. Знаю, что ко мне могут прийти. Я ожидал их вчера, у меня были для этого основания: моего товарища увезли в другой город с обвинением в терроризме. Но вчера они не пришли, и я забыл о них. Думать о них всё время – можно сломать себе мозг.

Не сходя с места, я разобрал мобильный телефон, зафиксировав сигнал которого, меня уже не раз находили – значит, могут найти и сегодня; покурил, но, ничего так и не решив, быстро пересёк улицу, сел в первый попавшийся троллейбус и поехал.

Троллейбус прошелестел мимо моего дома. Окна моей квартиры были пусты и спокойны. Стекло не отражало ничьих лиц.

На улице была весна, был май, было прозрачно.

Некоторое время я ехал в странном отупении, почти не напуганный, поглаживал свои сухие ладони пальцами – сначала одну ладонь, потом другую. Троллейбус катился полупустой, и я сидел у окна. Слышалось быстрое скольжение шин.

Я начал разглядывать пассажиров, они были удивительно далеки от меня, словно мы неумолимо разъезжались в разные стороны. Их лица не то чтобыплыли – скорей никак не могли запечатлеться на сетчатке глаза. Вот сидит мальчик, вот я перевожу взгляд – и нет мальчика, и я никогда не вспомню, как он выглядел. Вот встаёт бабушка, я только что смотрел на неё, но она вышла, и никто не заставит меня рассказать, каким было её лицо.

Мир стал тихим и струящимся мимо, а я каменел, оседая на дно.

Троллейбус вёз меня, будто я камень.

Мы проехали мост. Площадь. Перекрёсток.

Высокое солнце припекало лоб; на улице ещё было прохладно, а в троллейбусе по-летнему тепло и душно. Я не люблю солнечного света, если рядом нет большой, обильной холодной воды. Дома я стараюсь держать шторы закрытыми и жечь электрический свет.

Но сегодня солнце мне показалось нежным, таким нужным мне.

Я расслабил мышцы лица и спустя время, две или три троллейбусные остановки, понял, что щёки мои и лоб становятся мягкими, как глина. Из этой глины можно лепить новое лицо, новый рассудок.

Я жестокий. Чёрствый и ледяной. Я умею соврать, сделать больно, не чувствовать раскаяния. Я получаю по заслугам, получаю по каменному лицу; но там, где должен быть камень, уже глина, и она ломается, осыпается, оставляет голый костяной остов. Чёрствый, и ледяной, и мёртвый.

И только одна жилка живет на нём и бьётся последней тёплой кровью.

Мы начинали жить так: смешавшись, как весенние ветви, листья, стебли. Однажды мама моей жены вошла ранним утром к нам в комнату и увидела нас. Мы спали. Это было самой большой нашей тайной: как мы спали. Другие тайны теперь кажутся смешными.

Потом, уже в полдень, мама моей жены сказала: «Я не знала, не думала, что такое бывает».

Мы лежали лицом к лицу, переплетённые руками и ногами, щека ко лбу, живот к животу, лодыжка за ляжечку, рука на затылке, другая на позвонке, сердце в сердце. Мы так спали всю ночь, из ночи в ночь, месяц за месяцем. Если б нас решили разорвать, потом бы не собрали единого человека.

Спустя годы, быть может, несколько лет, уставшие, измученные жизнью и суетой, мы стали отдаляться. Нам становилось тесно, душно, дурно. Только прикасались руками, лодыжками, иногда обнимались – вернее, я обнимал её, – но она отстранялась во сне, уставшая, почти неживая. Я помню это ночное чувство: когда себя не помнящий человек чуждается тебя, оставляя только ощущение отстранённого тепла, как от малой звезды до дальнего, мрачного, одинокого куска тверди. И ты, тупая твердь, ловишь это тепло, не вправе обидеться.

Поднимаясь утром, мы старались восстановить растерянное за ночь: улыбкой, взглядом, пониманием того, что судьба неизбежна, неизбывна, непреложна. И всё крепилось наново: тёплое, терпкое, тесное.

За окном проносились авто, в каждом из которых сидела душа чуждая, как метеорит. Как много в мире чужого тепла, о которое не согреться.

Потом мы пили чай на кухне.

Окно этой кухни я видел полчаса назад, проезжая в троллейбусе. Я не хотел никого там увидеть: ни её, ни пришедших за мной в майский день, чтобы лишить меня тепла, простора, мая – и надорвать последнюю жилку.

Где теперь мой друг, подумал я, куда его повезли? Скоро ли меня привезут к нему, подумал я.

Мой друг носил замечательное и редкое имя – Ильдар Хамазов. Его, конечно же, все звали Хамас.

Последнее время мы часто выпивали вместе, у меня водились деньги, я мог себе позволить. Пиво и водка, иногда ещё спирт или глинтвейн – мне нравится смешивать разные напитки, я долго не пьянею и не очень знаю, бывает ли у меня похмелье, потому что с обеда следующего дня начинаю понемногу выпивать снова. Это не сказывалось на работоспособности моей и Хамаса, мы делали свои дела ещё суровой и веселее.

Он был большого роста, широк в плечах, замес восточной по отцу и русской по матери крови сотворил красивого, внятного, честного человека.

Он выглядел добродушным и обаятельным. Всегда в чистой одежде, без единого мужского запаха, розовый и улыбчивый, как будто только что отменно поспал, бодро умылся, лихо начистил зубы и вышел из ванной к хорошим гостям: белая улыбка на большом лице.

В нём присутствовали черты, которые так симпатичны мне в людях мужского пола: он был совершенно равнодушен к деньгам, мог сорваться и приехать на помощь в любое время дня и ночи, никак не выказывал больного и суетливого интереса к женщинам и никогда о них не говорил.

Он равно не был похож ни на похотливых сынов Востока, ни на недавнюю породу русских мужиков, которые только так и думают о себе – как о натуральных мужиках, с двумя тяжёлыми «ж» посередине.

Мужик в представлении этой породы всё время должен быть вроде как расслаблен, но на самом деле мучительно напряжён, даже чуть-чуть набычен в неустанных попытках профильтровать каждое обращённое к нему слово: а не содержится ли в этом слове некий подвох, некое сомнение в том, что он мужик, он мужик, он муж-жик, блядь?

С ними и вести себя надо подобающим образом: мол, и я той же самой породы, смотри, как я несу своё внешне почти неприметное, но внутри тяжёлое, как чугунные яйца, достоинство. О, как его несу. Только тронь его, сразу узнаешь, сколько во мне чугуна.

Я так умею, много раз так делал, это несложно, только надоедает быстро.

А Хамас, да, был совсем не такой. Я чувствовал себя очень просто с ним, и ему, уверен, было также хорошо.

Выпивая или не выпивая, мы что-то рассказывали друг другу о себе, с такой ласковой добротой, с таким нежным вниманием – подобное, помню, было только в пацанском возрасте, когда лет в двенадцать, после хорошей рыбалки, после красивого и пышного дождя, от которого спасали хлесткие, ненадёжные кусты, мы шли с навек забытым товарищем по нестерпимо красивому лугу, и огромная радость мира чуть ли не в последний раз сделала нас хорошими, честными, весёлыми, совсем-совсем не взрослыми.

И вот это ощущение возвращалось, и мы, говорю, рассказывали о себе – а потом друг о друге – только хорошее, и вовсе без желания подольститься. К чему нам это – нам ни к чему. Нам нечего было взять друг у друга и нечего предложить.

Мы водили вместе, вдвоём – страстные, бесстрашные колонны пацанвы по улицам самых разных городов нашей замороченной державы, до тех пор пока власть не окрестила всех нас разом мразью и падалью, которой нет и не может быть места здесь.

Я сидел в троллейбусе и ловил себя на том, что глиняное моё, из сырой и свежей глины, лицо расплзлось в улыбке при воспоминании о Хамасе.

«Было бы славно, если бы он сидел сейчас тут, в троллей...» – начал я и запнулся посредине мысли.

На очередном повороте гончарного круга улыбку стёрли с лица моего, и я сказал себе, что никого, никого, никого мне не надо сейчас.

«Хамас, прости меня».

Мне всегда казалась странной присказка о смерти, которая хороша на людях. А я не хочу ни гибели, ни другой боли прилюдной. Животные куда умнее, они хоть и совокупляются бесстыдно, зато подыхать уползают в тайные углы.

Я не очень хотел разделять с миром своё счастье в иные времена, да и кому оно было нужно, но и унижением никогда делиться не хотел. Я ни разу не звал свою любимую на красночернознамённые шествия: мне не хотелось, чтобы она видела, как чужие люди будут волочить меня по асфальту.

«Держись, Хамас, – сказал я примирительно. – Все там будем. Скоро и меня привезут. Они ждут уже... настоящие муж-жики...»

Я представил, как они ходят там сейчас, в моей квартире, выпрашивая у моей женщины, когда я ушёл, куда я ушёл, когда приду, куда я приду. И она сидит и смотрит на них с ненавидящим, презрительным лицом; ей даже не пришлось стирать это выражение с лица – за несколько минут до их прихода она так же смотрела на меня.

Мерзость и падаль, я давно потерял в себе человека, не звал его, и он не откликался.

И она звала его во мне, но он не откликался и ей.

Потом, говорю я, ещё годы спустя мы совсем перестали прикасаться друг к другу: спали рядом, тихие, как монахи. Но, не в силах выносить эту отдалённость, я всегда, едва она засыпала, еле слышно касался её ножки своей ногой – знаете, там, у пятки, на щиколотке есть синяя жилка? Этой жилкой я цеплялся за неё, единственной и слабой.

На этой жилке всё держалось, на одной.

Во время поворота троллейбус потерял провода и стоял, красивый, красный, размахивая мёртвым усом.

Редкие пассажиры сразу припали к окнам: ну что они там надеялись увидеть, ну какую новость разузнать?

Вышел спокойный водитель, натягивая грязные, в прошлом белые перчатки. Через минуту троллейбус загудел, и все облегчённо выдохнули. Кондуктор при этом имела такой вид, словно сама лично приняла участие в исправлении разлада.

Кондуктора, я заметил, часто ведут себя в транспорте так, будто находятся в своих владениях. «В моём троллейбусе так никто не ездит», – говорят они гордо. «В моём... у меня... я вам говорю...»

Как люди хотят обладать чем-либо. Как хочется владеть хотя бы троллейбусом.

Иногда я косился на проезжую часть: в голове крутилась нелепая мысль, что сейчас я примечу авто с задёрганными оперативниками, которые во все глаза рассматривают транспорт – и, о, удача! – вдруг видят в троллейбусе меня, размягчённого и почти лиричного, лоб в стекло, взгляд пустой и светлый.

«По запаху они, что ли, тебя найдут», – издевался я сам над собой, иногда, впрочем, продолжая посматривать на пролетающие мимо неспешного троллейбуса машины.

«...А что, – вернул я себя к оставленной только что мысли, – был бы Хамас, побежали бы сейчас в Русь, вдвоём. Скажем, поехали б к моему деду, в чернозёмную его губернию. Дед обрадовался бы, баню натопил... Самогоночки потом, с салцом, а...»

Ни к какому деду мы не поедem, оборвал я себя.

И ты один не поедешь. Что ты будешь там делать – палкой в земле ковыряться?

К тому же дед не в тайге живет, а в ста метрах от столичной трассы. Если тебя ищут, то всё равно найдут. Представь, каково деду будет смотреть, как любимого внука за шиворот потащат со двора...

По улицам, услышавшие весну, уже в юбках, уже в туфельках, шли молодые русские женщины. В горячие бёдра лучших из них вмонтирован эlegantный маятник. В его движении вовсе нет точности и надёжности, зато всегда присутствует надежда.

Я проследил движение одного, в коричневой упругой юбке маятника и понял, что мне движение его неинтересно и надежды никакие не важны.

Хорошо остаться без надежды, когда пустое сердце полно лёгкого сквозняка. Когда понимаешь, что все люди, которые держали тебя за руки, больше не удержат тебя, и твои запястья выскользнут.

Раньше мы, да, всё время держали друг друга за руки, я и она.

Проезжая город, я мог вспомнить каждую улицу, остановку, лавочку, каждый сквер, каждую аллею, каждый парк: всё это было пройдено вместе, рука в руку, вдоль и наискосок. Куда же мы шли, куда шли мы, куда завлекло её и меня?

А ведь какое было счастье – тугое, как парус.

Троллейбус вывернул мимо ларька, мимо светофора, ослепшего на солнце, мимо столба, уклеенного объявлениями о досуге, мимо резко вставшего прохожего в зимнем ещё пальто. И здесь солнце, которое до сих пор бродило где-то над крышей троллейбуса, вдруг прыгнуло мне в глаза со всей силы, как окатило из весенней бадьи.

«Господи, спасибо тебе, – сказал я вдруг нежданно для себя, с искренностью такой, какая была разве что в моём первом, новорождённом крике, – спасибо тебе, Господи: у меня было так много счастья, я задыхался от счастья, мне полной мерой дали всё, что положено человеку: прощение, жалость, безрассудный пульс нежности!»

«Верность и восхищение – только это нужно мужчине, это важнее всего, и у меня было это, у меня этого было с избытком!» – вдруг вспомнил я с благодарностью.

Я благодарил радостным сердцем и глазами, которые смотрели на солнце и видели огромный свет.

«Ещё я знаю, что такое ладонь сына и дыхание дочери, – сказал я себе тихо, – но если я буду думать об этом ещё секунду, я умру с расколотым сердцем».

Кондуктор уже посматривала на меня с раздражением, она поняла, что еду я, уже почти полный круг, в никуда. Ей явно хотелось сказать, что её троллейбус не для того пущен в город, чтобы катать бездельников.

Мы приближались к мосту. Площади. Перекрёстку.

«Мне нечего терять, у меня всё уже было», – сказал я вслух и улыбнулся живым, казалось мне, обретшим новые мышцы, новую кожу, новую кровь лицом.

«Мне нечего терять, у меня всё было, и никто этого не отберёт», – сказал я себе.

«Я не волк, чтобы бегать от вас», – сказал я ещё и вышел из троллейбуса.

«Я иду домой», – добавил я, закуривая на ходу.

Я не сбавлял хода и шёл, легко отталкиваясь от земли, глядя в землю и улыбаясь самому себе. У подъезда я ловким щелчком бросил бычок, он отлетел далеко. Проследив его полёт и его падение, я увидел ботинок, наступивший на мягко прикусанный мною фильтр.

– Хамас, твою мать! – сказал я, и мы засмеялись.

– Мать твою, Хамасище! – закричал я, и мы обнялись. – Ты откуда? Ты сбежал?

– Всё нормально, – сказал он.

– А меня дома ждут, – внезапно вспомнил я с горечью, заглядывая Хамасу в глаза: может, он придумает что-нибудь, он на свободе теперь.

– Не, уже не ждут, – уверенно ответил Хамас. – Только что вышли. Между прочим, приветливо со мной поздоровались. «Приехал уже?» – спрашивают. «Приехал», – говорю. Велели передать тебе привет. Сказали, чтоб ты ещё погулял. Сегодня на тебя отбой.

– Серьёзно, Хамас?

– О таком не шутят. Это спецотдел конторы – по борьбе с терроризмом. Они возили меня в Саранск на опознание и тебя хотели везти. Но меня не опознали, и с тобой они передумали.

Мы перетаптывались, подталкивали друг друга, и мне хотелось немного станцевать или сделать кому угодно что-нибудь нежное. В мусорном контейнере, суровый и внимательный, ворошился бомж, и я с трудом удержался от желания обнять его и поцеловать в мохнатый и пахучий затылок.

Выйдя с Хамасом на майскую улицу, мы купили себе мороженого и ели его, похохатывая влажными белыми ртами. Мягкий асфальт стелился нам под ноги, и каждый встречный блудный пес приветствовал нас хвостом как единобеспородных, а иной из них влажно касался моей выставленной навстречу ладони своим мокрым, весенним носом.

Вечером мы опять поругались с женой.

Пацанский рассказ

Братик пришёл из тюрьмы и взялся за ум.

– Мама, – говорит, – я взялся за ум. Дай пять тысяч рублей.

Мать перекрестилась и выдала деньги, с терпкой надеждой глядя братику в глаза.

Братика звали Валёк, а друг его был Рубчик.

Рубчику от папаши достался гараж. Дождавшись моего братика из тюрьмы, Рубчик предложил ему завязать с прошлым, устроить в гараже автомастерскую, тем и питаться.

Братик, в отличие от меня, умел делать руками всё. Правда, последние семь лет он использовал руки для того, чтобы взламывать двери и готовить наркоту. Но предложение Рубчика ему понравилось, и парни стали думать, с чего начать. Решили купить убитое авто и сделать из него достойный тихход.

Авто обнаружилось в нашей недалёкой деревне – всеми боками пострадавшая белая «копейка», в грязных внутренностях которой отсутствовала половина тяжёлых железных деталей. При этом «копейка» ещё умела передвигаться, но уже не умела тормозить. Педаль тормоза болталась, как сандалия на ноге алкоголика.

Рычаг скоростей работал, но был удивительным способом обломан прямо посередине, отныне представляя собой острый штырь.

Братик рассмотрел машину, открыл капот, присвистнул и спросил у хозяина, сколько он хочет за свою красавицу.

– Десять, – сдавленно сказал хозяин, молодой парень с редкими волосами и частыми родинками на припухшем белом лице.

– Подумай ещё несколько секунд и скажи что-нибудь другое, – попросил брат.

– Девять, – сказал хозяин.

– Не, мы так долго будем разговаривать. Короче, пять, и завтра деньги.

Хозяин кивнул припухшим белым лицом и спросил шёпотом, даже не раскрыв, а как бы надув глаза:

– На дело машину берёте? Кинете её, поди, сразу.

Вид у небритого братика располагал к такому ходу мыслей. Братик засмеялся, подмигнул пухлому хозяину и пошлёпал.

Дома сразу отправился к мамке за деньгами. У Рубчика тоже мамка была, но денег у неё не водилось никогда.

Мамка отдала деньги и долго вздыхала потом на кухне.

– Поехали в деревню за машиной? – позвал братик меня. – Проветримся.

Пока братик сидел свои шесть лет, которые ему скостили ровно вполовину за хорошее поведение и мамкины дары, Рубчик прикупил себе крохотную машинку иностранного производства. Ездил она резво, к тому же была полноприводной. Мы уселись в неё и закурили все трое сразу. Машина набрала скорость, и салон выветрило.

У Рубчика было приподнятое настроение, с пацанским изяществом он переключал скорости и цепко вертел «баранку».

На улице стоял вялый, словно похмельный, еле тёплый август. Девушки спешили погреться на солнышке последней в этом году наготой.

Рубчик очень любил женщин, мы это знали.

– Пасите, какая тварь! – кричал он восхищённо и нежно, крутя головой. – Гляньте, как она идёт! – Оставив без внимания дорогу, Рубчик повернул голову, насколько позволяли шейные позвонки.

– Смотрю вперёд, достал уже! – ругался братик.

– Ладно, не ссы, – весело отругивался Рубчик и спустя секунду вновь счастливо вопил: – Валёк, я тормозну! Ты смотри, они готовы уже. Я тебе клянусь, они дадут прямо в машине, только в парк заедем!

Рубчик уже мигал поворотником, намереваясь припарковаться на автобусной остановке, где сияли глупыми глазами две разукрашенные школьницы.

– Рубило, ты сдурел, что ли? – злобился братик, хотя я-то знал, что внутренне он очень потешается.

Рубчик переключал поворотник, мы снова выворачивали на свою полосу, девочки печально смотрели нам вслед.

– Нахер тебе нужны эти ссыкухи? – продолжал хрипло шуметь братик. – Мы тачку будем покупать или что?

– Всё, еду, еду, хорош орать, – отругивался Рубчик, всё ещё косясь в зеркало заднего вида и по этой причине едва не въехав в зад иномарки, резко ставшей на мигающем жёлтом. Рубчик быстро сообразил, что делать, вылетел на встречную полосу, обогнул, жутко матерясь, иномарку и полетел дальше.

– На мигающий встал, даун! – орал Рубчик. – Он что, светофора никогда не видел?

Происшествие его немного отвлекло, и минуту он сосредоточенно курил. Братик включил радио и быстро нашёл «Владимирский централ» или что-то подобное, только хуже.

До деревни было километров тридцать по трассе. В отсутствии девушек Рубчик разглядывал машины, одновременно беззлобно ругая всех, кто попадался нам на пути.

– Куда тащишься, дымоход! – материл он фуру. – Пасите, как едет! Тридцать кэмэ, не больше! Это куда он так доберётся? Путьёвку на полгода ему выписывают, прикинь, Валёк? Как вокруг света. «Я в Рязань еду, прощай, жена, свидимся не скоро», – изобразил Рубчик водителя фуры.

– А ты куда пылишь, телега? – Здесь он выруливал за двойную сплошную и оставлял позади машину российского производства, не забыв иронично взглянуть на водителя.

Впрочем, тех, кто обгонял его, Рубчик не материл и печально смотрел вслед: это были очень дорогие машины.

– Пасите, плечевые! – зачарованно сказал Рубчик: на обочине, будто равнодушные ко всему, стояли две девушки, юбочки – в полторы октавы, если мерить пальцами на пианино.

– Ага, давай, спустим пять штук, – сказал братик.

– Я бы спустил, – грустно и, кажется, не о том ответил Рубчик. Он сбросил скорость и метров пятьдесят двигался медленно, склонив потяжелевшую голову, глядя на плечевых восхищёнными глазами, разве что не облизываясь.

– Валёк, может, покалякаем с ними? – попросил он голосом, лишённым всякой надежды.

– В другой раз, Рубчик, – отозвался братик. – Дави уже на педаль, так и будешь на нейтралке до самой деревни катиться?

Раздосадованный Рубчик двинул рычагом, дал по газам и вскоре разогнался под сто пятьдесят.

Мы пролетели поворот на просёлочную, сдали задом по обочине и покатали по колдобинам в деревню.

– Ага, мы почти уже дома... Сюда, Рубчик, налево, – показывал братик.

Рубчик озадаченно разглядывал окрестности. Деревня кривилась заборами, цвела лопухами, размахивала вывешенным на верёвки бельём.

– А что, тут тёлочек нет совсем? – спросил Рубчик.

– Порезали всех, – ответил братик.

– В смысле?

– На зиму коров оставляют, тёлочек режут по осени, продают.

– Да пошёл ты.

– Тормози, приехали. Вон стоит наша красотка. Запомни, Рубчик, эту минуту. Так начинался большой бизнес, сделавший нас самыми богатыми людьми в городе.

Белолобый, в обильных родинках продавец для такого важного случая принарядился и вышел из дома в пиджаке, который, видимо, надевал последний раз на выпускном. На ногах, впрочем, были калоши.

Братик воззрился на продавца иронично и глазами перебежал с одной родинки на другую, словно пересчитывая их. Казалось, что от волнения у продавца появилось на лице несколько новых родинок.

– Эко тебя... вывездило, – сказал братик.

– А? – сказал продавец.

– Считаю, – сказал братик и передал деньги.

Рубчик в это время мечтательно обходил «копейку», и было видно, что с каждым кругом она нравится ему всё больше.

Поглаживая её ладонью по капоту и постукивая носком ботинка по колёсам, Рубчик улыбался.

Продавец всё время путался в пересчёте денег и переступал с ноги на ногу, торопливо мусоля купюры. Потом убрал их в карман.

– Чего ты убрал? – спросил братик. – Всё правильно?

– Всё правильно, – быстро ответил продавец. И добавил: – Дома пересчитаю.

Он смотрел куда-то поверх братика и делал странные движения лицом, отчего казалось, что родинки на его лбу и щеках перебегают с места на место.

Братик обернулся. Ко двору шли несколько парней, числом пять, нарочито неспешных и старательно настраивающих себя на суровый лад.

Рубчик по-прежнему улыбался и выглядел так, словно рад был грядущему знакомству, хотя мне казалось, что для веселья нет ни одной причины.

Подходящие начали подавать голоса ещё издали. Всевозможными междометиями они приветствовали продавца «копейки», но тот не отзывался.

– Ключи дай, – сказал братик спокойно. Он всегда быстро соображал.

– А? – спросил белолобый.

– Ключи. От машины. Дай. – И протянул ладонь.

В неё легли нагретые вспотевшей рукой белолобого ключи.

Братик, по всей видимости, осознавал, что мы сейчас можем легко свалить, оставив белолобого разбираться с деревенской братвой, – но так вот сразу, после покупки, бросать продавца ему, видимо, не желалось.

Не по-людски это.

И мы дождались, когда гости подошли и встали полукругом – руки в карманах телогреек, телогрейки надеты либо на голое тело, либо на грязную майку. Август был, я же говорю.

Рубчик вытащил из кармана коробок спичек и подошёл к нам, оставив «копейку».

Я знал, зачем он вытаскивает коробок, я уже видел этот номер. Он сейчас будет им тихонько трясти и поглаживать его в своих заскорузлых пальцах, а потом, в какой-то момент, лёгким, не пугающим движением подбросит вверх. Пока стоящий напротив него будет сопровождать глазами полёт коробка, ему в челюсть влетит маленький, но очень твёрдый кулак Рубчика.

Рубчик мог бы ещё после этого фокуса поймать коробок, но он не любит дешёвых эффектов.

– Ну что, лобан, созрел? – спросили пришедшие нашего продавца, с напряжённым интересом оглядывая нас и машину Рубчика.

Братик убрал ключи в карман. Рубчик достал спичку и стал её жевать.

– Оглох, что ли, лобан? – спросили белолобого, и тот раскрыл безвольный рот, не в силах издать и звука.

– А что за проблема, парни? – спросил братик миролюбиво.

– Это же не твоя проблема, – ответил ему один из пришедших, но согласия в их рядах не было, и одновременно в разговор вступил второй:

– Ты деньги привёз за тачку? Отдашь их нам. Лобан нам должен.

– Всем, что ли, поровну раздать? – спросил братик наивно.

– Нет, только мне, – ответил один из пятерых.

– Много тебе он должен?

– С-с... Семь штук, – помявшись, уточнили братику.

Отвечавший был рыж, кривоног и, по-видимому, глуп.

Рубчик тихонько тряс коробком и всё пытался заглянуть братику в лицо, чтобы понять: пора или ещё не пора. Братик заметил беспокойство товарища и неприметно кивнул: стой пока, не дёргайся.

– Давайте, парни, всё по справедляку разрешим, – сказал братик пришедшему забрать должок. – Я за лобана говорю, ты – за себя. Годится?

– Лобан сам умеет разговаривать, – не согласился кто-то.

– Но деньги-то пока у меня, – соврал братик. – И сейчас я имею дело с лобаном. Значит, я могу выслушать, что вы ему предъявите, и решить: отдать вам деньги или нет. Ты ведь не против, лобан, если я выслушаю парней?

Белолобый кивнул так сильно, что родинки на его лице едва не осыпались на траву.

– Рисуйте ситуацию, парни, мы слушаем внимательно, – заключил братик.

– Он мою козу задавил, – сразу выпалил рыжий в ответ.

– Реально, – ответил братик, голос его чуть дрогнул от близкой улыбки, но в последний момент он улыбку припрятал. – У тебя коза есть?

– У бабки. – Собеседник братика отвечал быстро, и эта поспешность сразу выдавала его слабость.

– Погибла коза? – спросил братик.

– Нет, нога сломалась.

– Понял, – сказал братик.

Я с трудом сдерживал смех.

– И нога козы стоит семь штук? – спросил братик.

– Семь штук, – повторил за ним рыжий всё так же поспешно.

Братик кивнул и помолчал.

– А теперь ты мне обоснуй, – попросил он. – Отчего это стоит семь штук?

– В смысле? – тряхнул грязным рыжим вихром его собеседник.

– Почему твоя предьява тянет на семь штук? Кто так решил? Ты так решил?

– Я... – уже медленнее отвечали братику.

– А почему семь? Почему не пять? Почему не девять тысяч? А? Почему не шесть тысяч триста сорок один рубль двадцать копеек?

Братик умел искренне раздражаться от человеческой глупости и смотреть при этом бешеными глазами.

– Ты не знаешь, что любую предьяву надо обосновать? – спрашивал он. – Тебе никто этого не говорил? А? Или ты не знаешь, что бывает за необоснованные предьявы?

– Почему я должен обосновать? – ответили братику, и тут братик наконец засмеялся.

– Мне нечего тебе сказать больше, – сказал он с дистиллированным пацанским презрением.

В рядах наших гостей произошло странное движение, будто каждый из них искал себе опору в соседе, а сосед тем временем сам чувствовал некую шаткость. Разговаривать им,

видимо, расхотелось; время для начала драки показалось потерянным, и уходить молча было совсем запахло.

– Лобан, мы потом к тебе зайдём, – как мог спас кто-то из них отступление.

И они ушли.

Братик сразу забыл о них, лишь спросил спустя минуту:

– А ты зачем козу задавил, лобан?

– Так у меня тормоза не работают... – Белолобый хотел было сопроводить рассказ подробностями, но братик его уже не слушал.

– Понял, Рубчик? – обратился он к товарищу. – Поедем медленно, двадцать кэмэ в час. А лучше – десять.

– Базара нет, – ответил Рубчик, прилаживая трос.

Братик уселся в «копейку», я прыгнул к нему на переднее сиденье, мы тронулись.

Белолобый провожал нас, стоя у порога, растроганный и благодарный. Мы посигналили ему напоследок. Он, кажется, хотел махнуть нам рукой, но рука сжимала в кармане деньги, и поэтому белолобый лишь дрогнул плечом.

Дорога к трассе шла вверх, и Рубчик бодро тянул нас по августовской пыли. Трос был натянут, как жила; с дороги шумно, но медленно разбежались гуси и тихо, но поспешно – куры.

Вырулив на трассу, Рубчик сразу вдарил по газам, и «копейка» загрохотала, рискуя осыпаться. Братик стукнул раздражённым кулаком по сигналу, чтобы дать товарищу понять его неправоту, но ещё семь минут назад подававшая голос машина на этот раз смолчала. Сигнал больше не работал.

– Рубчик! – заорал братик, мигая фарами «копейки», но его, естественно, никто не слышал и не видел.

Братик попытался левой рукой приоткрыть окно, но ручка крутилась вхолостую: стекло не опускалось.

Тем временем я, в ужасе глядя на провисающий трос и несущуюся перед нами машину, которую мы ежесекундно рисковали настигнуть, набирал номер Рубчика на мобиле. Пальцы прыгали и не попадали в кнопки. Спустя минуту всё-таки дозвонился. Братик выхватил у меня телефон и стремительно сообщил Рубчику ряд назревших возражений.

На взгорке Рубчик сбавил скорость, и мы поехали тише и медленнее. Братик всё ещё ругался, но тоже тише, тоже медленнее.

Мы закурили, братик ещё раз попытался опустить стекло, ничего не вышло, полез в пепельницу, но она выпала целиком, осыпав рычаг переключения скоростей пеплом и скрюченными бычками сигарет без фильтра.

Рубчик тем временем увидел некую, ясную лишь ему одному цель и чуть поддал газку и парку.

– Вот чудило, – сказал братик, и я снова начал набирать Рубчика. Уже справившись с набором и слушая медленные, далёкие гудки, я увидел, куда так стремился наш товарищ: на дороге стояли плечевые, всё те же самые. Одна – повернувшись к нам спиной. Вторая, напротив, лицом: отставив ножку, она с любопытством всматривалась в летящую к ней машину, за лобовухой которой расплывался в безмерно ласковой улыбке Рубчик.

– Рубчик, ты чего? – успел выдохнуть братик, когда его товарищ резко дал по тормозам возле плечевых.

Со смачным железным чмоком мы вцепились в зад вставшей машины.

– Суки! – услышал я, выскакивая из «копейки», голос Рубчика. – Суки драные! Проститутки!

Рубчик уже вылетел на улицу и дикими глазами озирает результаты своей остановки.

– Какого ляда вы тут стоите, прошмандовки? – верещал он, и руки его суетливо искали предмет, которым можно было бы жестоко и с оттягом наказать двух беспутных девок, совративших его с прямого асфальтового пути.

Не найдя ни ремня, ни крепкого дрына, раскинув злые ладони в стороны, Рубчик кинулся к девкам, но те оказались понятливы и быстры. Пробежав за ними метров десять, Рубчик махнул рукой и вернулся к машинам.

Братик дал задний ход, снова вышел из «копейки», и минуту мы стояли опечаленные, перекуривая, глядя на результаты первой части поездки.

Отдышавшись, отругавшись и отплевавшись, мы снова начали усаживаться в машины.

– Лучше бы мы бабки отдали этим коблам и уехали без тачки, – сказал Рубчик. – Дешевле бы обошлось.

Он, впрочем, говорил это без злобы и почти уже улыбаясь.

Метрах в ста от нас плечевых подсадили в кабину фуры, и, когда она, набирая скорость, дымила мимо, Рубчик, высунувшись наглой башкой в окно, успел пожелать шалавам, чтоб их сделали вот так и вот эдак, и ещё через эдак поперек, а после залили в местах потребления соляжкой и тосолом.

Водитель фуры тормознул, показалась чумазая рожа и спросила: о чём шум?

– Езжай давай, – сказал ему Рубчик и сам тронулся. И мы за ним, куда деваться.

Дорога была пуста, только изредка кто-то пролетал по встречке.

До города оставалось недалеко, но теперь мы береглись и еле двигались. Если что – братик тормозил, переключая скорость, да и трос позволял маневрировать, когда мы принимали то влево от побитого зада машины Рубчика, то, значит, вправо.

Завидев в белой дымке родной город, Рубчик, верно, опять забылся, да и прискучило ему катить медленно: подобной езды он не позволял себе ранее никогда. Колёса завертелись, пейзаж заторопился мимо, «копейка» загрохотала костями, пепельница задрезбезжала.

– Давай звони ему, – сказал братик, иногда рефлексивно выдавливая педаль тормоза, никак не отзывающуюся на давление.

На очередном вираже раскрылся чёрный зев бардачка, оттуда посыпались обильные гаечные ключи, изоленты, наждачная бумага... От перепуга я выронил телефон.

Нехорошо ругаясь, мы подъезжали к перекрёстку: братик, вцепившийся в руль, и я, судорожно ковырявшийся в бардачке на половичке в поисках телефона, – когда нас обогнала новая «девятка» и неожиданно встала впереди, пропуская грузовик, мчавший по главной нам наперерез. Рубчик, взвизгнув тормозами, резко вырулил вправо, ну и братик тоже, избегая повторного удара в тыл товарищу, принял ещё правее, на обочину, плавно переходящую в овраг.

– Ру-у-убчик! – успел весело крикнуть братик в ту секунду, когда машины наши поравнялись. Рубчик смотрел на нас, улыбаясь, а мы смотрели на Рубчика восхищённо.

Свободный трос кончился, наша «копейка» рванула машину Рубчика на себя, и дальше мы ничего не видели, сделав по дороге в овраг два, с хряком, рыком и взвизгом, поворота.

Перед глазами мелькнули кусты, небо, кусты, небо, трава, много зелёного, жёлтого, розового цвета.

С жутким дребезгом «копейка» взгромоздилась на крышу, и секундой позже в двух метрах от нас на обочину пала иномарка Рубчика.

Какое-то время вниз головами мы висели с братиком молча, словно в задумчивости, разглядывая узоры треснувшего лобовика. Движок работал, колёса крутились.

– Движок работает, – сказал брат со спокойным удивлением и повернул ключ зажигания. Машина заглохла.

– Ты цел? – спросил он.

Лицо моё было в пепле, но я был цел.

Мы отцепили ремни и, пиная двери, стали выбираться. Двери раскрылись, мы выползли на августовскую травку.

Поднялись, потрогали руки и ноги.

– У тебя кровь, – сказал я, указывая братику на лицо.

– Гаечный ключ зубами поймал, – отмахнулся он, сплёвывая, и позвал: – Рубчик!

– Подержите тачку! – раздался голос Рубчика из машины.

Мы схватились кто за что – за колёса, за подвеску, за бампер. Со второй попытки Рубчик открыл и распахнул дверь и вот уже явился к нам, лёгкий и целый.

Прибежал водитель «девятки»:

– Вы живые, мужики?

Мы всё ещё держали машину Рубчика, словно она могла взмахнуть крыльями и улететь. Впрочем, почти так оно и было.

– Гляньте, пацаны, – сказал Рубчик.

Мы глянули: машина его стояла на самом краю обрыва, и, если бы Рубчик осыпался туда, он бы уже не вылез на белый свет. В том числе и потому, что сверху на него рухнули мы с братиком.

– Дай сигаретку, – произнёс братик сипло.

– В машине остались, – сказал Рубчик привычно, будто мельком, как отвечал, быть может, тысячу раз до этого. И тут мы захохотали.

– В ма... ши... не!.. – хохотал и кашлял братик. – В ма-ши-не! В машине, Рубчик? Так возьми...

Рубчик сам присел от смеха и стучал кулаком по земле.

Мужик из «девятки» отдал нам пачку сигарет и, сказав напоследок: «Весёлые вы пацаны!» – ушёл к своей машине, вскарабкавшись по склону.

Мы тоже двинулись за ним, посмотреть и разобраться, как кувыркались наши машины, но ничего толком не было понятно. На улице уже вечерело, темнота подступала настырно и незаметно.

Что твои плечевые, мы постояли на трассе и приняли решение оставить «копейку» тут, а машину Рубчика извлечь, для чего необходимо тормознуть какой-нибудь грузовичок с приветливым и отзывчивым на людскую беду водилой.

В меру мощная машина вскоре пришла.

– Чего, сынки? – спросил мужик, выйдя к нам на свежий воздух из своего грузовичка, гружённого кирпичом, и мы сразу поняли – этот поможет.

– Вон, отец, скувыркнулись.

Не сговариваясь, мы сразу стали называть его отцом. Мужик к этому располагал. К тому же все мы давно были безотцовщиной.

«Отец» спустился вниз, в овраг, не уставая жалеть нас и подбадривать.

– Ах вы, дуралеи, – говорил он. – Как же вас теперь доставать отседова...

Мы ещё не успели дойти до затаившейся на краю машины Рубчика, как за нашими спинами на дороге раздался грохот такой силы, словно с неба об асфальт пластом упал старый, очень железный самолёт. Мы, трое молодых, сразу дали слаbinу в коленках и присели как зашуганные. Спаситель наш, не дрогнув, оглядел нас, застывших на корточках, и медленно повернул взор к трассе.

В грузовик правой стороной въехала «газель». Водителя «газели» не было видно. Но то, что представляла собой правая сторона его машины, не давало надежды увидеть его при жизни. Кирпич, который был в кузове грузовичка, от дикого удара осыпался на «газель», частично украсив крышу, частично заполнив салон.

Мы бросились к дороге... Обежали «газель»... Водитель сидел на асфальте с голыми ногами. Белые пальцы шевелились, словно узнавая друг друга заново.

Подняв водилу, наперебой расспрашивая, как он себя чувствует, не получая ни одного ответа, мы всё-таки разглядели, что у него нет и самой малой царапины; разве что при встрече с грузовиком он вылетел из тапочек и на улицу вышел уже голоногим.

– Как же ты мой грузовик не заметил, милоч? – горился «отец». – Заснул, что ли? Ой ты, дурило...

Раскрыв дверь «газели», мы увидели, что кузов грузовика теперь располагается непосредственно в салоне, рядом с сиденьем водителя.

– Если б у тебя был пассажир, он принял бы грузовик на грудь, – сказал Рубчик водителю, который ещё ничего не соображал и только переступал по асфальту, как большая птица.

– И сидел бы сейчас этот пассажир в самом непотребном виде, с кладкой белого кирпича вместо головы, – заключил братик.

Тут, свистя тормозами, едва не передавив всех нас, подлетела ещё одна «газель», и оттуда почти выпал человек с юга; у него было жалобное, готовое разрыдаться лицо и непомерный, стремительный живот, который он без усилия переносил с места на место, обегая нас.

– Ты жив? – спросил он водителя, но тот ещё не вспомнил, как говорить.

Мне показалось – задавая свой вопрос, человек с юга имел в виду совсем другое, что можно сформулировать, например, как «зачем же ты жив до сих пор, падла?!».

– Что это? – спросил он нас шёпотом, жестом раскинутых рук показывая на дорогу, машины, кирпич. Но ему снова никто не ответил.

– Я купил эти машины, – указал он на свои «газели» большим согнутым пальцем. – Я гнал их домой, – сказал он и опустил руки. Живот его дрожал, как при плаче.

– Ничего, – сказал тот, кого мы называли отцом. – Все живы, милки. Радуйтесь, милки.

– А мы радуемся, отец, – сказал братик просто и прикурил сигаретку.

Человек с юга посмотрел на нас, сделал неясное движение энергичными щеками, сходил к машине и вернулся с красивыми ботинками. Присел и поставил их у ног своего водителя.

Тот обулся и сказал наконец первое хриплое тёплое слово:

– Спаси... бо...

Славчук

Славчук должен был родиться негром. Я часто читаю ночью при включённом, но без звука, телевизоре. В телевизоре, неслышные мне, поют, раскрывая яркие рты, молодые женщины. И наблюдая их в тишине, я особенно остро понимаю, что не только мне скучны их голоса, но и сами они преследуют какие-то иные цели: едва ли им хочется петь. Просто пение – наиболее удобный способ для того, чтобы продемонстрировать движение губ и все мышцы, способные сокращаться и подрагивать. Потом, в следующем ролике, появляются негры, эти блестящие, покрытые крепким мясом звери, с белыми зубами или с белыми и одним, впереди, золотым, на котором, непонятный мне, едва различим рисунок. Негры читают рэп – я слышал, что многие из них бандиты, и поэтому, не сдержавшись, включаю в телевизоре звук – послушать, как они произносят свои, непонятные мне, слова. Русские бандиты не читают рэп. Наверное, у них нет чувства ритма.

Однако же Славчук был родственной этим мрачным чернокожим певцам породы: бугры мышц, сильные челюсти, чёткие ноздри, почти ласковая улыбка, чуть вывернутые губы, зуб из странного металла, девушки вокруг, которые наконец-то не поют, но лишь прикасаются то одной, то другой своей стороной к мужчине, исполняя главное своё предназначение.

Я вовсе не хочу сказать, что Славчук был куда более уместен в Гарлеме, чем в тех краях, где ему довелось родиться и умереть. Он вполне себе смотрелся и здесь, среди берёзок и без мулаток. Просто если б его воскресили, чтоб поместить средь чернокожей братвы, он наверняка стал бы там своим парнем.

Это был маленький полусельский городок на среднерусской равнине, тихо переживавший исчезновение советской власти. Дом моего деда стоял на одном порядке, родители Славчука жили на соседнем. Нас разделяли огороды: ровные грядки картофеля, всегда выдающие пышным сорняком лентяя, вдовца или пьяницу.

На картофельных листьях висели колорадские жуки. Когда я давил их пальцами, на руках оставался приторный запах и жёлтый цвет колорадской смерти.

Каждое утро начиналось со Славчука. Раньше него вставали только бабы, державшие коров. Но баб не было видно: отогнав своих бурёнок на пастбище, они возились во дворах, пока мужики досыпали.

А Славчук уже сидел на крыше, голый по пояс, перекладывал толь, вгонял длинные гвозди в рей. Потом он, невысокий и удивительно ладный, под прохладным, пару часов как вставшим солнцем полол огород, и это ему шло. Хотелось самому так же непринуждённо работать мотыгой.

Огород Славчука всегда смотрелся как натюрморт.

Станным казалось, откуда он взялся такой у своих родителей.

Мать Славчука носила стёртое лицо, ни одна черта которого не могла запомниться и на минуту.

Отец – невзрачный, сутулый и маленький мужичок с залысинами и плохой речью. Неумелый и суетливый.

Как у них родился этот белый, грациозно передвигающийся, спокойный и сильный негр, я не знаю.

Однажды дед мой, проезжавший в поле на мотоцикле мимо отца Славчука, не выдержал и остановился. Отец Славчука косил.

– Ну что ты делаешь?! Дай-ка сюда косу! – дед забрал у него косу и сделал несколько взмахов. – Вот так надо. Не рви на себя. Коса мягко должна идти.

Отец Славчука был со всем согласен и что-то путано, почти неслышно отвечал, ежесекундно пытаясь отобрать косу у деда, что, впрочем, не помешало тому сделать ровный рядок

с краю косо выстриженной и неряшливой полянки, на которой словно бы отсыпалась недавно рота солдат.

– Криворукий... – выругался дед, усевшись на мотоцикл и резко взяв с места. – А сын его – вор. Завод растаскивают с дружками...

Ещё у Славчука были две старшие сестры, и в ту пору они как раз вышли замуж. Бабушка моя за ужином как-то обронила мельком, что оба мужа непутёвые, а девки между тем уже разродились, причём одна из них – двойней.

– Теперь Славчук кормит и себя, и сестёр, – сказала бабушка.

– Хребтом своим он, что ли, зарабатывает? – выругался дед и пошёл клясть новые власти, которые даже у меня, подростка тринадцати лет, вызывали чувство жалости и вялой неприязни.

Когда вечерело, Славчук шёл за коровой на луг. Сидя на берегу с удочкой, я видел, как он пытается научиться крутить пальцами трость – трость ему заменяла крепкая, ещё маслянистая, со спущенной корой ветка.

Первые дни у него не очень получалось. Но не прошло и недели – и его с этой тростью можно было бы выпускать на арену цирка. Чтоб он там прошёлся, крутя.

До сих пор я, взрослый мужик, найдя ровную палку, безуспешно пытаюсь повертеть её и представляю себя Славчуком.

Он был старше меня, наверное, на шесть лет. Признаться, я ни разу с ним не разговаривал подолгу, не очень помню его речь, мимику, осталось только ощущение, которое сразу оживает, когда эти негры начитывают свою чёрную печаль под агрессивную музыку.

Однажды мы стояли у реки – деревенская юная пацанва и мой ближний, через забор, сосед Жорка Жила, ровесник Славчука. Происходили привычные грубые, с липким матом беседы, и пацаны, ошалев от летнего, жаркого клокотания внутри, начали, к моему удивлению, измерять длину первых волос в паху. У кого-то из нас был один, но странно длинный волос. Владелец этой редкости, левой рукой оттянув резинку трико, а правой струнно натянув свой волос, обходил дружков, неся на лице выражение идеально тупого торжества.

Но тут появился Славчук, и все как-то ступевались, перестали заглядывать себе в штаны.

Он вроде бы ничего не заметил, поздоровался со всеми за руку, перекинулся с Жилой парой слов и ушёл – в руке тросточка, но крутить её стал, только когда почти исчез из виду: видимо, вовсе не считал нужным красоваться перед нами.

– Нравится Славчук? – ехидно спросил у меня Жорка Жила.

Я не нашёлся что ответить.

– Он всем нравится, – сказал Жорка, как мне показалось, даже с некоторой грустью. – За руку здороваются, – добавил Жорка неопределённо, хотя ничего удивительного в этом не было: ну за руку, ну и что? И сам Жорка так здоровался: протягивая свою быструю, костистую и холодную, но влажную в линиях ладони руку – и сразу её забирая.

Все некоторое время смотрели на Жилу молча, а тот вдруг, без причины, разозлился и кому-то дал напоследок оплеуху. Может, даже мне. Хотя вряд ли.

Воскресным вечером одна из моих сестёр пошла в клуб, и, поскучав немного, я отправился встречать её. Циничный дед мой засмеялся, узнав, куда я иду:

– На кой ты ей там нужен? Пушай одна погуляет, ей там титьки намнут. Мешаться только будешь. На рыбалку-то пойдёшь с дедом или нет?

Иногда он говорил о себе в третьем лице.

– Попозже приду! – сказал я громко. Дед был несколько раз контужен на войне и различал только прямую и точную речь, без интонаций.

– Ну приходи, – ответил он спокойно. – Сальца зажарим.

Мне было совсем немного лет, и оттого пока казалось диким, что моей девятнадцатилетней сестре кто-то будет мять грудь. Зачем это нужно, в конце концов?

Эта сестра моя носила редкое для чернозёмных краев имя Лиля, строгое лицо и длинное узкое платье, которое она, не стесняясь меня, с трудом натягивала на высокие бёдра, стоя перед зеркалом.

Девушки нашего селения очень весело смотрелись вечерами, когда они, наряженные, пробирались на каблуках по привычной грязи. Но Лиле эти странные передвижения даже шли: она была похожа на молодую актрису, отставшую от поезда.

Когда Лиля смеялась, мужчины и молодые люди смотрели на неё молча и чуть приоткрыв рты, словно пытаясь повторить рисунок её улыбки. Мне иногда казалось, что смех её звучит как издевательство.

Дома она тоже вела себя строго: со странным, но ловким остервенением чистила картошку, мыла полы, стирала. Потом, наклонив голову, разглядывала свои чуть вспухшие руки с тонкими, но сильными пальцами и, спрятавшись за ригу, куда складывались запасы сена, курила крепкие сигареты.

– Сожги мне ригу, сожги, – ругался дед.

Некоторое время я бродил у клуба, где раздавалась громкая музыка, – и если открывались двери, откуда выбегали хохочущие, дурно двигающиеся девушки или пьяный молодняк, музыки становилось ещё больше.

На улице Лили не было, и я прошёл в зал искать её там. Билетёр куда-то убрёл, и мне улыбнулось не платить за вход.

Взрослые парни стояли вдоль стен, разглядывая танцующих девушек. Несколько молодых пацанов тоже танцевали в центре зала, один из них держал на вытянутой вверх руке бутылку спиртного.

Несколько раз я пересёк площадку, разыскивая Лилю, пока меня не схватили за рукав.

– Ты откуда? – спросил меня пьяный тип. Он был выше меня на полторы головы и, судя по всему, старше на несколько лет.

Я назвал свою улицу.

– А твои пацаны где? – спросили меня.

– Я один, – ответил я.

Спросивший ушёл куда-то ненадолго и спустя минуту вновь нашёл меня в зале. Я всё ещё как дурак бродил вдоль и наискосок.

– Выйдем, – предложил мне он, криво улыбаясь и глядя сверху вниз.

У входа в клуб стоял Славчук, он приветливо мне кивнул, я поймал его взгляд, но не нашёлся что сказать.

Мы прошли за клуб, где пахло мочой и было темно: сломанный свет фонаря едва доползал туда, огибая угол здания. Нас ждали ещё три человека, и они сразу подошли ко мне, все трое.

Меня толкнули в грудь.

– Ты что, хуй? – лаконично спросили меня, с ударением на пьяно выдохнутое «что». Вопрос, видимо, означал, и что я тут делаю, и откуда я вообще взялся на свете.

– Чего, пацаны, случилось у вас? – поинтересовался Славчук, тихо выбредший откуда-то. Он подходил к нам, аккуратно ступая – так, чтобы не наступить в потёки мочи.

Все четверо запечатали суровые рты и молчали треть минуты, пока наконец тот, кто привёл меня, не ответил, ткнув в меня лживым пальцем:

– Он меня толкнул.

– Тебя толкнул или всех четверых сразу? – ласково усмехнулся Славчук, и здесь я впервые заметил его зуб со странным рисунком.

– А чего ты сюда пришёл? – немного сдавленно спросил Славчука приведший меня.

– А смотри – вот я тебя толкнул, – не отвечая ему, сказал Славчук с улыбкой и легонько ткнул парня в плечо. – Это что значит теперь? Что я не прав?

– У нас тут свои разговоры, – ответил длинный, глядя немного мимо Славчука, куда-то в ухо ему.

– Так я разве мешаю? – спросил Славчук. – Разговаривайте.

Все молчали ещё с минуту.

– Ну, поговорили? – спросил Славчук. – Тогда мы пошли.

Он тронул меня за плечо, и мы вернулись ко входу в клуб.

– Я Лильку искал, – зачем-то объяснил я Славчуку.

– Не нашёл? – спросил он.

– Нет, Славчук. Может, она домой ушла. Я тоже домой.

Он кивнул.

– Славчук, ладный мой, ты где был? – спросила его девушка откуда-то из темноты; одновременно с другой стороны к нему поспешно подошла другая, вся, казалось, готовая к любому повороту событий, хотя бы и здесь, прямо у клуба...

Переходя асфальтовую площадку у клуба, я услышал, как мне сказали из кустов:

– Всё равно мы тебя выловим, урод!

Под светом фонарей я шёл спокойно, но, войдя в темноту, не выдержал и побежал, скользя по грязи, меж деревьев посадки, к дому. Уже у дома, заслышав лай гончих деда, внезапно встал и засмеялся: куда я так бегу...

Посвистев сразу признавшим меня собачкам, я отправился на пруд.

Дед уже накачал лодку, выставил сети, разжёг костёр, сидел в крагах и тяжёлом плаще на бревне, насаживая на шампуры большие куски сала. Как же вкусно пахнет палёное мясо свиньи!

– Потерял Лильку-то? – спросил дед. – А она вон тут где-то бродит.

Я обернулся и различил Лилию. Она тихо шла вдоль берега. На плечи был наброшен тулупчик – видимо, заглянула домой и переоделась.

– Лиличка! – закричал я радостно. – Иди есть сало!

Сестра моя остановилась, и по её движению я понял, что она не очень хочет идти к нам, но всё равно сейчас подойдёт.

Подошла.

Сало Лилия есть не захотела; она могла вообще ничего не есть целыми днями, выпивая иногда чашку молока с хлебом или наедаясь яблок и ягод. Зато я, обжигаясь и обмирая, так глотал жирно и ярко пахнущие куски, что, казалось, вот-вот к нам сбегутся волки со всех чернозёмных лесов.

– Как ты ешь эту гадость, – передёрнув плечами, сказала сестра.

– Очень вкусно, – ответил я с набитым ртом.

– Привет, Лиль! – хрипло возник из темноты Славчук и присел у костра.

Лиля посмотрела на Славчука со странной смесью интереса и равнодушия. Наверное, она ждала не его, да и вообще неизвестно кого ждала. К тому же Славчук, хоть и всего на год, был моложе её: в том возрасте, когда девушка ещё чувствует себя юной, это ощутимо. Хотя, с другой стороны, не с дедом же у костра всю ночь сидеть.

– У меня брат есть, с ним тоже можно поздороваться, – сказала Лиля холодно.

– А мы виделись с ним, – и Славчук подмигнул мне; впрочем, выглядел он озабоченно и на Лиле взгляд больше чем на несколько секунд не задерживал.

– Лиль... – Славчук присмотрелся, далеко ли отплыл дед, отправившийся пошугать рыбу близ коряг и камышовых зарослей, чтоб она порезвее пошла в сторону сетей. – Я вот самогоночки принёс. Не хочешь?

– Ага, – ответила Лиля, едва сдобрив иронией своё презрение, и ничего больше не добавила, потому что в её «ага» и так было вложено большое количество смыслов, отрицающих не только потребление самогона, но и самого Славчука.

– А я выпью, – почти не смутился или не подал виду Славчук.

Он сам себе быстро изжарил кусок сала и обильно глотнул из горла такой ядерной самогонки, что её дух ненадолго перебил обильный вкус свинины.

Я сидел, ковыряясь в костре, и никак не решался что-либо сделать: если я уйду, моё поведение, скорее всего, не понравится Лиле; если останусь, это, похоже, уже не понравится Славчуку.

В конце концов я у него в долгу. С другой стороны – как же я брошу сестру?

– Хочешь? – предложил мне Славчук, протянув бутылку.

Лиля брезгливо проследила движение его руки.

Я быстро закутил головой: нет, не хочу, нет.

Славчук убрал пузырь за пазуху. Он тоже когда-то успел переодеться в тулупчик, заметил я.

Немного пристыв к бревну, на котором сидел, я решил передвинуться, но Лиля поняла меня неправильно.

– Сиди, – сказала она строго.

– Да я не ухожу, – ответил я весело и почти виновато посмотрел на Славчука. Тот выглядел печальным.

– Лиль, давай отойдём? – попросил он.

Чувствовалось, как трудно ему даются просительные интонации.

Они отошли, как им показалось, далеко, но ночь была пуста и прозрачна, и я всё слышал.

– Чё ты такая строгая? – спросил Славчук.

Лиля, я был уверен, пожала плечами: глупый вопрос.

– Ты видела, как на меня все вешаются? – сипло поинтересовался Славчук, и мне показалось, что в этой фразе не было никакого бахвальства, только беспомощность.

– И что это значит? – спросила Лиля.

Славчук засмеялся. И снова выпил, много больше, чем в первый раз.

– Ты не будешь со мной? – спросил он.

Я никак не мог решить, за кого мне переживать, кому просить удачи – Лиле или Славчуку.

«Прогнать ей его или поцеловать?» – решал я, словно что-то зависело от моего решения.

– Что «с тобой»? – издевалась Лиля. – Копать картошку?

Славчук помолчал и ответил:

– Ты вот за пацана меня держишь, а у меня четверо детей в нашем городке живут. Старшему уже два года скоро... Ну, иди ко мне, ты...

Славчук рванул Лилю к себе, я вскочил с места в полном ужасе, в одно мгновение представив, как сейчас вернётся дед и застрелит кого-нибудь – у него и ружьё было с собой; но Лилька уже оттолкнула Славчука.

– Пошёл вон, ты! – сказала она злобно и вернулась к костру. – Дай мне сала, – велела она. – Самогона-то не взял дед? – спросила минуту спустя.

Жилистое, словно нога старого медведя, мясо ели мы, люди в камуфляже, спустя десять лет в городе Грозном, после зачистки, в компании с весёлыми рязанскими собрами. Запивали тяжёлые, длинные куски дурной, палёной брагой.

Как водится, поначалу собравшиеся за спонтанным столом разговаривали меж собой все разом и одновременно, пытаясь захватить беседой всю компанию разом. Хотя какой, к чёрту, это был стол – мы выпивали, расположившись прямо на земле, примяв первую, еле слышную весеннюю травку. Рядом грузили состав с горючим, и было достаточно одного выстрела, чтобы вознести на воздух целую цистерну, а то и несколько цистерн, спалив заодно многих людей в камуфляже. Стрелять можно было откуда угодно, со всех четырёх сторон: иногда я тоскливо смотрел то налево, то направо, видя брошенные, с пустыми окнами, дома, – три дня назад вон

из той трёхэтажки в нашу группу дал очередь юный чеченский пацан, я отчётливо его видел. Он ни в кого не попал, хотя мог бы.

Сорвав глотки, пытаюсь перекрычать и перешутить друг друга между первых пяти стаканов, мы немного сбавили обороты, и каждый стал разговаривать с ближайшим соседом – так куда удобнее: стрельнул огонька, а то и сигарету у того, кто рядом сидит, и сразу разговор завязывается, ненатужный, хриплый и мужской.

– А не страшно убивать, – сказал мне мой сосед, обросший серой бородой, глаза – непромытые, форма серая и даже, казалось, скользкая от пыли.

Я и не спрашивал его об этом, и разговоров таких не люблю, потому лишь еле кивнул головой, так, чтоб кивок мой понять можно было как угодно: если хочешь – говори дальше, я послушаю, но сам смолчу; или – ну да, не страшно, но зря ты об этом заговорил; или ещё как-нибудь.

– У нас первые двое погибли, едва мы прилетели. А просто сидели на броне и наехали на мину. Командира убило и Толяна. Меня Серёга зовут, Серый. Я за командира на первой же зачистке отомстил. Даже фамилию не спросил, ха.

Серый взял кусок мяса и долго жевал, иногда поглядывая на меня, и взгляд его хмельной означал: сейчас прожую и договорю. Хотя по лицу было видно: что дальше говорить, он и сам ещё не решил – просто захотелось, чтоб слушали его.

– А вон с Гландой случай был, – неожиданно громко заговорил Серый, указывая глазами на мужика напротив. – Мы стояли у блокпоста, и ему в сферу пуля воткнулась. Охереть, ха. На излёте была. Долетела ровно до Гланды, в сферу ткнула и к ногам упала. Гланда! Про тебя рассказываю!

– Сам ты Гланда, мудило, – неприветливо ответили ему, но Серый не обиделся, а захохотал.

– Выпьём? – предложил он мне, уже наливая; все действительно стали пить не разом в десяток глоток, а по двое, по трое – с теми, кто ближе сидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.